

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2016.2.09

Правильная ссылка на статью:

Колпина Л. В. Проблемы функционирования региональных социальных сетей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 138—150.

For citation:

Kolpina L. V. Problems in functioning of the regional social networks // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2016. № 2. P. 138—150.

Л. В. Колпина ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

КОЛПИНА Лола Владимировна — канд. социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

E-mail: Kolpina@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0002-2441-4940

PROBLEMS IN FUNCTIONING OF THE REGIONAL SOCIAL NETWORKS

KOLPINA Lola Vladimirovna — Candidate of Sociological Sciences; Associate Professor; Chair of Social Technologies, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

E-mail: Kolpina@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0002-2441-4940

Аннотация. На основе данных социологического опроса, проведенного в Белгородской области по репрезентативной выборке, анализируются барьеры функционирования социальных сетей, осуществляется их типологизация. Обосновывается, что барьеры социальной сетевизации могут быть рефлексивными и не рефлексивными людьми, объективными и субъективными, общими и специфическими. Они имеют выраженную территориальную, возрастную и экономическую, в меньшей мере — образовательную, в минимальной — гендерную детерминацию. Результаты исследования показали, что наиболее

Abstract. The paper is based on a survey conducted in Belgorod region using representative sample and provides an analysis of barriers that impede the functioning of social networks as well as their classification. These barriers may be engaged or not engaged in public self-reflection; they may be objective and subjective, common and specific. They are determined by territory, age, economic limits, to a lesser extent, by education and gender. The study shows that social networks based on relations with friends and kindred ties are more intense; professional and business networks are less strong; community and religious social

шей интенсивностью обладают социальные сети на основе родственных и дружеских связей; менее интенсивны профессиональные и бизнес-сети; к функционирующим эпизодически следует отнести соседские и религиозно-общинные социальные сети. Наиболее проблемными в плане формирования и поддержания социально-сетевых практик являются следующие группы населения: пожилые люди, жители городов с населением менее 100 тыс. человек и поселков городского типа, со средним специальным или неоконченным средним образованием, относящиеся к группе наименее финансово обеспеченных. В заключение предлагаются пути преодоления барьеров социально-сетевого взаимодействия.

Ключевые слова: социальные сети, ресурсы социальных сетей, барьеры социальной сетевизации, кровнородственные, дружеские сети, профессиональные, соседские, общественно-досуговые, религиозно-общинные социальные сети

networks are active occasionally. Elderly persons, residents of cities with population less than 100 000 and urban-type settlements, persons with secondary vocational and incomplete secondary education, persons who have low income are those categories which have difficulties initiating and maintaining social network practices. The paper proposes ways to overcome social interaction barriers.

Keywords: social networks, resources of social networks, barriers of social network functioning, kinship, friendly, professional, neighbor, public and leisure, religious and community social networks

В последнее десятилетие в научной среде заметно возрос интерес к теме формирования и функционирования социальных сетей, что в значительной мере обусловлено той ролью, которую они играют в социальной адаптации населения и его общественной консолидации [Барсукова, 2003, 2005; Коулман, 2001; Бурдые, 2007]. Представляя собой совокупность неформальных межличностных практик, осуществляющихся с определенной регулярностью в виде взаимопомощи, информационной и эмоциональной поддержки, социальные сети способствуют адаптации их участников. Таким образом, в ситуации ухудшения экономического положения существенной части россиян, в условиях недостаточной эффективности государственных и частно-корпоративных механизмов социальной поддержки сети взаимопомощи могут выступать социальным амортизатором, содействуя адаптации индивидов и домохозяйств, преодолению кризисных ситуаций [Алексеева, 2008; Барсукова, 2005; Колпина, Реутов, 2011; Петренко, Градосельская, 2008]. Именно в сетевых структурах осуществляется переход с межличностного уровня взаимодействий к отношению общественных организаций и государства [Петренко, Градосельская, 2008], т. е. они обладают социально-интеграционным потенциалом.

В отечественном научном дискурсе накоплен определенный опыт исследования социальных сетей. В частности представлены методология исследования социальных сетей [Градосельская, 2001; Штейнберг, 2010], результаты изучения кровнородственных [Барсукова, 2005; Градосельская, 1999; Штейнберг, 2004], соседских [Кийков, Хазиев, 2010], профессиональных [Бондаренко, 2008], мигрантских [Валитов, 2000] социальных сетей и др. Среди основных факторов и условий, определяющих способность индивидов формировать социальные сети, можно выделить следующие: ресурсная обеспеченность участников, уровень доверия между ними, соблюдение норм взаимности.

В нашей работе предпринята попытка изучить сетевые практики на региональном материале, который, с одной стороны, отражает определенную специфику, а с другой — репрезентирует ситуацию, складывающуюся в типичном, относительно благополучном российском регионе с преобладающим русским населением и значительной долей сельских жителей (около 1/3).

С целью анализа проблем функционирования социальных сетей в Белгородской области в 2012 г. были проведены анкетирование по репрезентативной региональной выборке ($N = 1000$ чел.) и три фокус-группы: по 8—12 участников, мужчин и женщин в возрасте от 18 лет и старше, представителей городов, поселков городского типа и сельских поселений.

Результаты исследования показали, что наибольшей интенсивностью обладают процессы в социальных сетях, сформированных на основе родственных и дружеских связей, менее интенсивны профессиональные и бизнес-сети, эпизодически функционируют соседские и религиозно-общинные.

Для российского населения актуальны и результативны преимущественно естественные социальные сети, которые не требуют от человека специальных усилий и ресурсов для их организации и воспроизводства. К социальным сетям, сформированным таким образом, обычно, принадлежат люди одного круга, обладающие аналогичными ресурсами. Поэтому такие сети в большей мере обеспечивают их участникам способность адаптации к ситуации и значительно меньше выступают для них потенциалом развития — он присущ принципиально отличным кругам общения, которые, в свою очередь, нуждаются в целенаправленном (а не естественном) формировании. Выявленные нами скромные оценки ресурсности кругов общения опрошенных (т. е. способности сети компенсировать ее участникам недостаток индивидуальных возможностей) объясняются принадлежностью респондентов преимущественно к естественным социальным сетям: абсолютное большинство опрошенных (67,7 %) декларировало потребность в новых связях, знакомствах, расширении круга общения.

Актуализация этой потребности затруднена в силу существования *общих* (характерных для всех типов сетей) и *специфических* (присущих конкретным типам сетей) барьеров.

К *общим* барьерам можно отнести:

1. Превалирующую ориентацию населения на поддержание уже существующих сетей, в первую очередь кровнородственных. Сформировать, наладить или активизировать отношения в них хотели бы 37,6% опрошенных, в дружеских, профессиональных и бизнес-сетях — по 12%, соседских и общественно-досуго-

вых — по 7—8%, а религиозно-этнических — 6%. Однако концентрация на кровнородственных сетях не только не обеспечивает выход на стратегию самореализации и развития и попадание их участников в другие типы социальных сетей, но и обуславливает развитие социального капитала закрытого типа [Полищук, Меняшев, 2010]. А последний несет в себе риски усиления социальной сегментации, снижения проницаемости межгрупповых перегородок, усиления барьеров социальной сетевизации.

2. Амбивалентность установки общественного сознания на целенаправленное построение социальных сетей: с одной стороны, респонденты декларируют недопустимость отношений, основанных на корысти, направленных на решение собственных проблем, с другой — озвучивают выраженную потребность в социальном капитале высокоресурсных сетей, особенно вертикальных, включающих представителей органов власти, руководителей разного уровня. Такая амбивалентность наряду с диагностированной установкой на невозможность преодоления барьеров, создаваемых высокоресурсными кругами, а также пассивной позицией половины населения в формировании круга общения препятствует развитию социальных сетей.

3. Преимущественную ориентацию населения на социальные сети, построенные на основе эмоционально-психологической близости, в ущерб отношениям, формирующимся из-за необходимости решения общих проблем. Это выражается в переносе практик, требований и экспектаций микросетевой коммуникации (кровнородственных и дружеских сетей) на отношения инструментального характера, что выступает барьером развития социально-сетевых отношений среднего радиуса. Этим можно объяснить, например, тот факт, что, несмотря на большие претензии населения к качеству жилищно-коммунального обслуживания, в частности в Белгородской области, в редких случаях жильцы многоквартирных домов объединяются для решения проблем взаимоотношений с управляющими компаниями. Одна из причин такой ситуации — большая психологическая дистанция между соседями: наше исследование показало превалирование индифферентности в этом типе социальных сетей.

4. Социально-психологические причины: убежденность части опрошенных (25,2%) в дефиците порядочных, надежных и честных людей; неуверенность в себе, боязнь показаться другим незначимым, неинтересным (20%).

5. Узость социального горизонта: свыше 1/3 опрошенных указали на недостаток информации о том, где искать нужных людей (36%), и отсутствие выходов на них (38%) в качестве барьеров формирования социально-сетевых отношений.

6. Социокультурные препятствия, связанные с национальными, этническими отличиями (20,3%), а также разницей в образовательном уровне (25,3%).

Что касается *специфических* барьеров, к ним можно отнести, например, сложности развития внутрисетевой активности в кровнородственных отношениях.

Кровнородственные сети

Кровнородственные социальные сети являются базовыми в сетях отношений: семья является самой важной сферой жизни для 97—98% россиян [Семья и дружба превыше всего, 2010; Семья на фоне кризиса, 2009]; оказавшись в трудной

ситуации, более всего рассчитывают на помощь родственников 74,7 % опрошенных [Реутов и др., 2011: 68]. Развитию социальных сетей этого типа во многом препятствует слабая распространенность института большой семьи (братья, сестры, бабушки, дедушки, тети, дяди и т. д. разной степени родства). Индекс идентичности с большой семьей имеет средний уровень (53,0), что нельзя считать достаточным с точки зрения социально-психологического и ресурсного потенциала, заложенного в этом типе отношений.

Среди причин, препятствующих организации общения в кровнородственных сетях, — богатый набор проблем личностного, мотивационного, ролевого, ценностного, культурного характера, а также конфликты справедливости. Респонденты иллюстрировали названные проблемы следующими высказываниями: «...Возник конфликт, потому что один из членов семьи не очень хорошо поступил»; «Пока родственники с меня только тащат. А если все на равных, почему бы и нет?»; «Я люблю свою бабушку, а она сильнее любит другого внука»; «Еще детские обиды сейчас выливаются...»; «Эгоизм родственников. Есть люди, которые считают, что ты обязан, к примеру, звонить каждый день, и никого не волнует, что ты пришел в 10 вечера домой, тебе нужно приготовить, помыть посуду и т. д. А у человека потребительское отношение к родственникам, потому что это твое, и вроде как «ты меня совсем забыл, вот так всегда». А еще есть свои дела; ты не можешь уделить внимание просто потому, что у тебя свои дела...». Также респонденты ссылались на трудности поддержания отношений в кровнородственных сетях, связанные с физическим недомоганием, преодолением географического пространства и межпоколенческой коммуникации, а также использованием технических средств связи.

Кровнородственные сети — единственный тип социальных сетей, в котором значимым барьером интенсификации отношений выступает недостаток материальных средств: на это указали 58,0 % опрошенных, преимущественно жители села, имеющие среднее или неоконченное среднее образование, среднее специальное образование, люди старше 60 лет, принадлежащие к наименее материально обеспеченным группам.

При проведении фокус-групповых интервью заметна табуированность практик открытого обсуждения негативных аспектов кровнородственных отношений («не выносить сор из избы»). По нашему мнению, это объясняется традициями, предписывающими обязательность отношений с родственниками, представление их хорошими независимо от действительной ситуации («родственников не выбирают»). Это ослабляет возможность рефлексии таких проблем и их конструктивного преодоления с целью построения большой семьи.

Наиболее проблемными в кровнородственных социальных сетях являются следующие группы населения:

- лица в возрасте 30—49 лет с наиболее низкими оценками доверия, искренности, доброжелательности и субъективной подконтрольности отношений, удовлетворенности ими, идентичности с большой семьей (барьеры субъективного характера);
- лица старше 60 лет, социальная эксклюзия которых во многом имеет объективный характер: отсутствие родителей, бабушек, дедушек, меньшее число братьев, сестер. Хотя пожилые люди принципиально сильнее других ориен-

тированы на кровнородственные социальные сети (52,5% против 27,2—36,9% в других группах), демонстрируя более высокие оценки социального самочувствия в этих отношениях и наименьшие значения в оценках причин возникновения конфликтов, в то же время они лидируют по большей части факторов, характеризующих трудности поддержания кровнородственной коммуникации (сложности с использованием технических средств связи, отсутствие большой семьи, необходимых материальных средств, недостаток авторитета в семейных отношениях).

Дружеские сети

Дружеские социальные сети наиболее благополучны: в них включена подавляющая часть населения, высоки оценки социального самочувствия их участников, проблемное поле отношений неширокое; барьеры формирования и поддержания дружеских отношений более всего связаны с недостатком времени, рядом ограничительных установок («друзей не может быть много», «друзья бывают с детства» и т. п.), редко — с отсутствием аттракции и интересующих людей.

В этом типе социальных сетей наименее благополучны, с точки зрения социального самочувствия: пожилые люди с низким уровнем образования и материального благосостояния, жители городов с населением меньше 100 тыс. человек и поселков городского типа. У мужчин самочувствие в дружеских социальных сетях незначительно выше. Пожилые люди, женщины — жительницы села и менее обеспеченная часть населения отличаются экстернальным локусом контроля в оценке своих отношений с друзьями, считая их слабо зависящими от собственных усилий; старшие возрастные группы менее других ориентированы на формирование и развитие дружеских социальных сетей.

Соседские сети

Тема построения отношений добрососедства не актуальна для большинства опрошенных; в минимальной степени она присутствует только у пожилых респондентов. В соседском типе социальных сетей регистрируются самые низкие оценки доверия, востребованности, искренности и доброжелательности среди респондентов; в их установках возможность развития отношений с соседями имеет преимущественно негативную окраску. Среди рефлекслируемых причин такой ситуации — отсутствие времени (49,7%), безынициативность соседей (44,6%), неуверенность респондентов в том, что их правильно поймут и негативные личностные характеристики соседей (по 23,4%). Результаты фокус-групп дополняют эти ответы проблемой низкой ориентации на совместное решение общих задач при их объективном наличии, высоким негативным эмоциональным фоном, вызванным необходимостью решать назревшие вопросы во взаимодействии с соседями. Эти оценки можно рассматривать как подтверждение высказанного нами выше предположения о переносе практик микрогрупповой коммуникации, ориентированной на эмоционально-психологическую близость, на другие типы отношений, в частности имеющих инструментальные задачи.

Для большинства опрошенных развитие сетей добрососедства возможно лишь при условии межличностной аттракции. Барьер развития соседских сетей

общения — отсутствие культуры добрососедства, основанной на осознании необходимости этих отношений не только и не столько с целью удовлетворения аффилиативных потребностей, но и для совместного решения общих задач, возникающих в связи с единством пространственной локализации и необходимостью обеспечения в ее рамках эффективной и комфортной жизни.

Наиболее благополучны в социальных сетях соседства лица старше 60 лет, жители городов с населением меньше 100 тыс. человек и поселков городского типа. Наименее благополучны жительницы городов с населением более 100 тыс. человек в возрасте 30—39 лет с высшим образованием, а также те, кому приходится экономить абсолютно на всем, и, как это ни парадоксально, те, кто себе ни в чем не отказывает (у последних ситуация незначительно лучше).

Профессиональные сети

Профессиональные социальные сети характеризуются недоверием в отношениях и статусными барьерами, из чего логично следуют выявленные нами невысокий уровень сформированности представления о коллегах и бизнес-партнерах как о коллективе единомышленников, а также индивидуализация профессиональных практик. Показатели социального самочувствия здесь находятся в пределах среднего уровня.

Среди рефлекслируемых респондентами причин, препятствующих развитию профессиональных и бизнес-сетей, наиболее значимыми оказались безынициативность людей (51,1%), негативные личностные характеристики членов коллектива (26,8%), несправедливость, царящая в профессиональной сфере (24,7%), недоверие к коллегам, партнерам (24,2%).

Предсказуемо, менее всего включены в профессиональные и бизнес-сети лица старше 60 лет; а среди них у продолжающих профессиональную деятельность — наиболее низкие показатели доверия, интернальности локуса контроля, сформированности идентичности с трудовым коллективом, социального самочувствия в профессиональных и бизнес-сетях. Неожиданно, лишь незначительно более высокие показатели по тем же параметрам оказались у респондентов 30—39 лет.

По территориальному признаку наименьшими значениями социального самочувствия в профессиональных и бизнес-сетях отличаются жители городов с населением менее 100 тыс. чел. и поселков городского типа; по уровню благосостояния — те, кому приходится экономить абсолютно на всем; по гендерному — женщины; по образовательному — лица с неоконченным средним и средним образованием.

Общественно-досуговые сети

Общественно-досуговые сети отличаются средними показателями социального самочувствия участников. В них, как и в случае добрососедства, дает о себе знать отсутствие культуры таких отношений. Наиболее значимые барьеры социоструктурного и информационного характера, связанные с недостатком формальных и неформальных объединений на территории проживания или информации о них, узким социальным кругозором населения.

Наименьшей включенностью в общественно-досуговые сети, плохим социальным самочувствием в них отличаются женщины, пожилые люди, лица со средним

и неоконченным средним образованием, жители городов с населением меньше 100 тыс. человек и поселков городского типа, которым приходится экономить абсолютно на всем.

Религиозно-общинные сети

Сети религиозно-общинного типа находятся в критическом состоянии с точки зрения процессов социальной сетевизации: в них регистрируются самые низкие значения всех факторов и условий, обеспечивающих успешность их функционирования. Настороженное отношение, даже недоверие к этому типу сетей более других вызывает молодежь, которая отличается и наименьшей долей участия в них.

По территориальному признаку наиболее низкими значениями социального самочувствия в сетях религиозно-общинного типа характеризуются жители городов с населением менее 100 тыс. человек и поселков городского типа. Значения искренности, доброжелательности, ощущения востребованности в этих сетях уменьшаются по мере роста уровня образования их участников.

В контексте экономической детерминированности религиозно-общинные отношения — единственный тип сетей, где значения искренности и доброжелательности среди группы наиболее материально обеспеченных людей ниже, чем у группы наименее обеспеченных, являющейся аутсайдером по всем параметрам сетевых практик. Значения ощущения востребованности в обеих группах минимальны, но менее обеспеченные граждане сильнее не удовлетворены таким положением дел — этим обусловлена проблематичность формирования религиозно-общинных социальных сетей. Большая социальная дистанция между участниками сетей этого типа отражает высокую степень формализации отношений в них, что препятствует развитию социально-сетевых практик.

Анализ состояния социальных сетей в целом

Если говорить о готовности населения формировать сети отношений, в полной мере готовы выступить инициаторами объединения людей, ядром сети, лишь 12,1% опрошенных — наиболее обеспеченная часть, преимущественно мужчины с высшим и неоконченным высшим образованием. Наименьшие значения инициативности — у пожилых граждан, за ними — 30—39-летние со средним и неоконченным средним образованием и те, кому приходится экономить абсолютно на всем.

В качестве веских причин, препятствующих социально-сетевым инициативам, озвучивались убеждения: «главное, чтобы потом не остаться виноватым»; «...потому что инициатива наказуема»; «выступить инициатором — это нормально, но зачастую неблагодарно из-за пассивности людей». Указываются также нехватка времени и желания этим заниматься.

Анализ полученных данных показывает высокую возрастную, экономическую и территориальную детерминацию барьеров социально-сетевых отношений, несколько в меньшей степени — образовательную. При этом указанные детерминанты тесно увязаны между собой. Например, регистрируемая в исследовании социальная эксклюзия значительной части пожилых людей связана с коррелирую-

щими между собой низким материальным и образовательным уровнем, а также более высокой концентрацией пожилого населения в сельской местности, где существование социоструктурных барьеров обусловлено недостаточным разнообразием формальных и неформальных групп.

Наиболее неблагополучными в отношении социальной сетевизации (за исключением отношений с соседями) считают себя жители городов с населением менее 100 тыс. человек и поселков городского типа. В то же время они сильнее других связывают возможности человека с кругом его знакомств. Такую противоречивость мы объясняем определенной маргинальностью данной группы населения, связанную с транзитивным типом этих территорий, что обуславливает проблематичность формирования устойчивых общностей и, как следствие, сложности социальной адаптации.

Среди сельских жителей наблюдается обратная ситуация. Их оценки самочувствия в сетях наиболее оптимистичны. В то же время в этой группе регистрируются наиболее высокие личностные и средовые барьеры развития социально-сетевых практик. Объективными барьерами социальной сетевизации у селян служат сравнительно низкая насыщенность территории проживания различными формами социальной организации, замкнутость социального пространства наряду с более низкой мобильностью, техническими проблемами, затрудняющими коммуникацию. Сельские жители более других отличаются редукцией социальных практик и пассивной позицией в расширении своих кругов общения, чаще указывают на ограничения социальной сетевизации, связанные с национальностью, полом, возрастом, мировоззрением, социальным статусом, образованием, территорией проживания. Все это вкуче с выраженными социально-психологическими барьерами в виде неуверенности в себе, в своих коммуникативных навыках маркирует, с одной стороны, ощущение собственной социальной ущербности, с другой — закрытость социального пространства селян, настороженное отношение к возможностям его расширения.

В целом, среди жителей села, малых городов и поселков городского типа превалирует ориентация на формирование обязывающего и связывающего социального капитала [Валитов В. Н., 2011; Рожков, 2009], охватывающего связи между близкими людьми, оказавшимися в похожих ситуациях, членов одной семьи, близких друзей, соседей и коллег и одновременно детерминирующего раздробленность, перфорированность социума.

Социально-сетевые практики в региональном социуме имеют высокую экономическую детерминацию. Наиболее благополучна, с точки зрения формирования многочисленной разветвленной сети контактов, группа населения со средним уровнем материального достатка; наименее благополучны группы с самым высоким его уровнем и еще менее — с самым низким. Разница между наиболее и наименее материально обеспеченными группами заключается в том, что минимизация социальных контактов первой является преимущественно свободным выбором ее участников, а в случае последней — это вынужденный выбор.

Низкая актуализация социально- сетевого потенциала среди обеспеченных групп населения объясняется их включенностью в высокоресурсные сети (в большинстве случаев с выраженной вертикальной составляющей). Своих и сетевых

ресурсов им достаточно, что снижает у них мотивацию к расширению социально-сетевых контактов и обуславливает высокую степень избирательности. Эти группы более других ориентированы на развитие длинных и вертикальных сетей, несущих максимальный потенциал развития и предъявляющих наибольшие ресурсные требования к их участникам.

Лица со средним уровнем благосостояния компенсируют затрудняющий включение в сети недостаток ресурсов (своих и участников сетей), необходимых для обмена, расширением сетевых контактов, а также социально-психологической близостью, искренностью отношений. Этим объясняется наиболее высокая социально-сетевая активность представителей средней по материальному признаку группы.

Минимизация ресурсов не только принципиально сужает возможность включения в социальные сети (даже кровнородственные!), но и порождает субъективные характеристики, препятствующие социальной сетевизации. Отчетливо заметны тенденции снижения значений установок на активность и роста экстернального локуса контроля в формировании кругов общения от наиболее обеспеченных групп к наименее обеспеченным. В последних регистрируются самые низкие значения доверия к участникам всех типов сетевых практик, сформированности семейной, профессиональной, соседской идентичности. В отличие от других групп социально-сетевые отношения у представителей наименее обеспеченной группы носят более зависимый, подчиненный характер, характеризуются социальной апатией и психологической эксклюзией.

Несмотря на тесную связь сетевых практик с уровнем материального благосостояния, последний является интервентной переменной. О том, что нехватка материальных средств препятствует формированию кругов общения, сообщило небольшое и примерно равное число представителей всех групп, выделенных по указанному признаку.

В то же время к группе наименее обеспеченных респондентов относятся пожилые люди, пенсионеры, жители села — те, для кого решение проблемы развития социальных сетей затруднено в силу отмечаемых ими территориальной разобщенности, отсутствия технических средств и низкого уровня владения ими (возможность преодоления этих проблем связана и с материальным достатком). К тому же в этой группе сосредоточена большая часть населения со средним, неоконченным средним и средним специальным образованием, что создает статусный и образовательный барьеры, тогда как возможность получения образования во многом также экономически обусловлена.

Образовательный детерминант функционирования социальных сетей в еще большей степени, чем экономический, является интервентной переменной. Он тесно сопряжен с территориальным, профессиональным, материальным, возрастным факторами, которые, в свою очередь, существенно определяют специфику барьеров сетевизации. И все же, по данному признаку, наиболее проблемной с точки зрения социальной сетевизации является группа лиц со средним и неоконченным средним образованием (исключение составляют соседские и религиозно-общинные сети, в которых у данной группы значения барьерных характеристик ниже, чем у других). Она отличается наиболее низкими значениями уровня субъективной подконтрольности ситуации, установок на инициативность в социальных практиках

и социальное доверие. Даже при наличии нормативной готовности к активизации сетевых отношений данную группу ограничивает ориентация преимущественно на узы родства и брака. Но и в них у граждан с низким образовательным уровнем чаще, чем у других, проблемы связаны с редукцией внутрисетевых контактов, физическими сложностями общения. Такое положение связано с преобладанием в этой группе людей пожилого возраста и жителей села, что и является одной из первопричин наибольшей социальной эксклюзии указанной группы.

Наименее образованная группа в большинстве типов сетей характеризуется меньшей сформированностью социальной идентичности, инициативностью (исключение составляют отношения добрососедства). В несколько меньшей мере это характерно для группы со средним специальным образованием (за исключением более выраженной, чем у первых, степени социальной идентичности во всех типах сетей). Эта группа, отличаясь низкими показателями инициативности в установлении социально-сетевых связей, в то же время высказывает аналогичные претензии в отношении других людей.

Барьером социальной сетевизации представителей групп с высшим и неоконченным высшим образованием является их большая ориентация на себя (индивидуализация) и вертикальный социальный капитал (который инициирует закрытость социальных сетей). Для респондентов с высшим образованием наиболее проблемными являются сети добрососедства, для лиц с неоконченным высшим образованием — религиозно-общинные. В целом, чем ниже образовательный уровень респондентов, тем более проблематично восприятие ими практик формирования социально-сетевых отношений и больше число соответствующих барьеров.

Барьеры социальной сетевизации имеют слабую гендерную окраску. Среди женщин проблематичность формирования сетей отношений выражена несколько сильнее, что проявляется в меньшей их вовлеченности в разные типы социальных сетей, более слабой ориентации на их развитие, заниженных оценках социального самочувствия и субъективной управляемости ситуацией в них.

Выводы

Результаты предпринятого нами анализа позволяют говорить об *общих* и *специфических* барьерах социальной сетевизации, которые имеют четко выраженную территориальную, возрастную и экономическую, в меньшей мере — образовательную, в минимальной — гендерную детерминацию.

К наиболее важным барьерам социальной сетевизации следует отнести:

- превалирующую установку населения на поддержание уже существующих, естественно сформировавшихся социальных сетей, преимущественно с малым социальным радиусом, при слабой ориентации на их расширение за счет вхождения в принципиально иные круги общения, развития отношений с большим социальным радиусом;
- примат ориентации населения на эмоционально-психологическую, а не на инструментальную компоненту в построении отношений; негативные установки, существующие в общественном сознании относительно построения отношений, основанных не на психологической близости, а на рационально формируемых инструментальных целях при одновременно существующем

запросе на вхождение в ресурсные социальные сети, обеспечивающие развитие их участников;

- перенос практик микросетевой коммуникации (кровнородственные и дружеские сети) на другие типы социальных сетей (соседские, профессиональные, общественно-досуговые, религиозно-общинные), имеющие иное предназначение и функционирующие на более рациональных основаниях;
- информационный дефицит, недостаточные навыки работы с информацией, обеспечивающей поиск интересующих кругов общения, сообществ;
- низкую структурированность социального пространства;
- недостаток социального доверия и социально-психологических компетенций.

Наиболее проблемными категориями населения в плане формирования и поддержания социально-сетевых практик являются пожилые люди, жители городов менее 100 тыс. человек и поселков городского типа, со средним специальным или неоконченным средним образованием, относящиеся к группе наименее финансово обеспеченных.

Преодоление проблем функционирования и развития социальных сетей предполагает формирование у населения представления о социальном капитале сетей общения как о важнейшем ресурсе личностного развития и целенаправленное конструирование социальными акторами своих кругов общения на этой основе, включение ими этого процесса в свои жизненные стратегии, формирование культуры средних связей — отношений, основанных на осознании их взаимовыгодности, взаимозависимости и ресурсности; деятельность государственных, муниципальных, общественных структур и объединений по осуществлению социальной инклюзии наиболее проблемных с точки зрения социально-сетевых практик групп населения.

Список литературы

Алексеева А. Уверенность, обобщенное доверие и межличностное доверие: критерии различия [Электронный ресурс] // Социальная реальность. 2008. № 4. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/12/17/trust/> (дата обращения: 23.11.2015).

Барсукова С. Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции. Специфика // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 20—30.

Барсукова С. Ю. Формальное и неформальное трудоустройство: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 3—15.

Бондаренко Г. И. Социальные сети хозяйствующих субъектов как фактор новой модели социальной структуры [Электронный ресурс] // Социология и общество: пути взаимодействия. III социологический конгресс (21—24 октября 2008 г.). Москва, 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1209009366.pdf (дата обращения: 23.11.2015).

Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. 288 с.

Валитов В. Н. Социальные сети российских иммигрантов и коренных жителей // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 112—120.

Вуколов Н. «Бондинг» и «бриджинг» социального капитала [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. 24.02.2011. URL: <http://www.hse.ru/news/recent/27404804.html> (дата обращения: 23.11.2015).

Градосельская Г. В. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 156—163.

Градосельская Г. В. Анализ социальных сетей : дисс. ... канд. социол. наук. М., 2001. 129 с.

Кийков А. В., Хазиев И. Х. Состояние и тенденции сетевого взаимодействия в городском поселении // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. № 11. С. 263—266.

Колпина Л. В., Реутов Е. В. Социальные сети и формирование социального капитала (региональный аспект) : монография. Saarbrücken : Lap Lambert Academic Publishing, 2011. 361 с.

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121—139.

Петренко Е. С., Градосельская Г. В. Гражданское общество. Добровольные объединения в условиях атомизации // Независимая газета. 2008. 22 июля.

Полищук Л., Меняшев Р. Миф о социальном капитале России [Электронный ресурс] // Forbes. 10.08.2010. URL: <http://www.forbes.ru/-column/54307-mif-o-sotsialnom-kapitale-rossii> (дата обращения: 23.11.2015).

Реутов Е. В., Колпина Л. В., Реутова М. Н. и др. Социальные сети в региональном сообществе : монография / отв. ред. Е. В. Реутов. Белгород : Константа, 2011. 240 с.

Рожков Г. В. Генезис инновационной экономики в России / под ред. С. Г. Ерошенкова. М. : МАКС Пресс, 2009. 888 с.

Семья и дружба — превыше всего [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1524 от 25.06.2010. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13608> (дата обращения: 23.11.2015).

Семья на фоне кризиса [Электронный ресурс] // ВЦИОМ, 19.05.2009. URL.: <http://www.arhperspective.ru/news/40433—8942.html> (дата обращения: 23.11.2015).

Штейнберг И. Е. Психология неэквивалентных обменов в межсемейных сетях взаимопомощи в городе и селе // Вестник общественного мнения : Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 6(74). С. 52—57.

Штейнберг И. Е. Парадигма четырех «к» в исследованиях социальных сетей поддержки // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 40—50.